

— И ты туда же? — Хмыкнул Чжао Фан. — Старуху надо было как-то утихомирить, вот и всё.

Цзисян лишь рот открыл:

— ...А я-то поверил.

Чжао Фан действительно выдумал всё на ходу. Он знал, что его матушка спит и видит себя в шелках и золоте, так что «пророчество» пришлось ей как нельзя кстати.

— Забудь. Помоги лучше его развязать.

С трудом переложив юношу на спину Цзисяна, Чжао Фан накинул на него свой кафтан.

— Брат, — замялся Цзисян, — ты же его всё-таки любишь, да?

Других причин для такой заботы он просто не видел.

— Нет, — отрезал Чжао Фан.

«Скромничает», — решил про себя Цзисян.

— Да ладно тебе, в том, чтобы мужчину любить, беды нет. Наш второй молодой господин вон в открытую с парнями гуляет, и ничего, старая госпожа помалкивает.

Чжао Фан слышал о похождениях второго молодого господина Шэнь Сюаня. Старая госпожа не «помалкивала» — она просто не могла с ним сладить.

Пока внук не переходил границ, она закрывала на это глаза, рассчитывая, что к моменту женитьбы он сам возьмется за ум.

У главного героя старые раны наложились на новые, так что лекаря пришлось звать снова.

Увидев пациента в таком плачевном состоянии, старик даже за бороду схватился:

— Беда, ну и беда. Видать, парень от боли чувств лишился.

— У меня тут есть одна мазь особая, как раз для тяжелых случаев. Возьми, попробуй.

Слово «попробуй» заставило Чжао Фана отдернуть руку. Он подозрительно уставился на старика:

— Ах ты старый хрыч, опять на нем новые снадобья испытываешь?

Лекарь хихикнул:

— Ну, раз выпал случай — грех не воспользоваться. Парень молодой, крепкий, самое время для испытаний.

Чжао Фан только и смог, что мысленно выругаться.

— Послушай, — убеждал его лекарь. — В прошлый раз он одной ногой в могиле стоял, а я его вытащил. Пусть с небольшим побочным эффектом, зато живой!

Чжао Фан промолчал.

«Небольшим», ага, как же.

Но спорить было трудно – жизнь юноше старик действительно спас.

— А в этот раз? Чего ждать в худшем случае?

— Если что пойдет не так, будет жечь огнем, раны покраснеют и могут загноиться.

— Но это только если у человека кожа особенная, чувствительная слишком. У нормальных людей будет лишь приятный холодок. Кровь мигом остановится, а через три-пять дней всё коркой покроется.

Чжао Фан стиснул зубы:

— Ладно, поверю тебе еще раз.

В конце концов, это мазь, а не микстура, риск не так велик.

Сначала он нанес средство на небольшую рану на руке юноши и стал ждать. Кровь действительно остановилась, покраснения не было.

«Повезло парню, кожа обычная», – с облегчением подумал Чжао Фан.

После этого он смело обработал всё тело героя. Хоть они и парой слов не перемолвились, зато физиологию парня Чжао Фан изучил уже досконально.

Для своего возраста тот был сложен на диво удачно – сразу видно, главный герой.

А что до него самого...

Чжао Фан мельком глянул на себя и вздохнул. Типичный проходной персонаж, не на что смотреть.

Закончив с юношей, он осторожно выдавил остатки мази себе на побитый зад.

— Ш-ш-ш-ш!

Больно!

Но, рассудив, что на разодранной коже любое лекарство будет щипать, он не придал этому значения.

Мазал дальше.

И корчился от боли.

На глазах выступили слезы.

Чжао Фан готов был крыть всё на свете последними словами: у него-то всего пара ссадин, а болит так, будто на костер посадили. Как же тогда терпит этот парень?

«Вот она, выдержка главного героя, не то что мы, простые смертные», – думал он.

Однако со временем боль не утихла, а стала невыносимой, словно к заднице приложили раскаленное железо.

И тут до Чжао Фана дошло...

«Будет жечь огнем, раны покраснеют и могут загноиться... Это только если у человека кожа особенная...»

Твою же мать!

Неужели он и есть тот самый «особенный»?

У него редкая чувствительность?!

Из всех людей именно он?!

Да что за невезение такое!

Чжао Фан завыл от боли, но сарай стоял на отшибе, и звать на помощь было бесполезно.

О-о-о-о...

Жгло всё сильнее.

Видно, вопли были настолько жалобными, что привели в чувство даже героя. Юноша открыл глаза и с изумлением уставился на Чжао Фана, который метался по его кровати.

Увидев, что тот очнулся, Чжао Фан чуть не расплакался от радости:

— Сяо Гу, хороший мой, принеси скорее то мокрое полотенце!

Нужно было срочно смыть эту гадость, пока не стало совсем поздно.

Взгляд юноши скользнул по израненному задку Чжао Фана, на котором еще виднелись следы от прутьев. Видимо, тот получил свое.

В душе юноши шевельнулось злорадство.

Преодолевая собственную боль, он поднялся с постели. Потянувшись было за полотенцем в тазу, он вдруг замер, замороженный видом чайной чашки на столе.

Чжао Фан сейчас беспомощен. Если разбить чашку, острым осколком можно перерезать ему горло!

Шанс, выпадающий раз в жизни!

Кровь забурилась в жилах от возбуждения. Его дрожащая рука медленно потянулась к чашке; в голове он уже прокручивал сцену убийства...

Если ударить быстро, тот даже охнуть не успеет.

Нет.

Он хотел, чтобы Чжао Фан мучился. Хотел медленно выпустить из него кровь, чтобы тот сполна познал ужас смерти.

Кончики пальцев уже коснулись холодного фарфора, когда с кровати донесся страдальческий голос:

— Сяо Гу... если тебе не трудно, налей еще воды, пожалуйста... Спасибо.

С тех пор как Чжао Фан попал в этот мир, он не знал ни дня покоя.

Как же тяжело.

Он безумно хотел домой, к родителям, к своим сорванцам-ученикам в классе.

Услышав это, юноша мгновенно подавил жажду крови. Он еще не знал, где похоронена кормилица и куда этот негодяй спрятал его нефритовую подвеску.

Чжао Фан пока должен жить.

Внешне юноша оставался совершенно спокойным. Он налил воды, и пока струйка текла в чашку, его гнев и ненависть прятались в самых темных закоулках души.

Получив полотенце, Чжао Фан принялся яростно оттирать лекарство.

— А-а-а-а! Смерти моей хочешь!

Казалось, тысячи крючков впились в плоть и тянут её наружу!

Сил хватило лишь на пару движений, но страх остаться без мягкого места заставил его, стиснув зубы, продолжить экзекуцию.

Он плакал навзрыд, поминая добрым словом старого шарлатана.

Юноша молча наблюдал за этой сценой: видел вздувшиеся на лбу вены, слышал скрежет зубов, и вдруг... не выдержал и коротко рассмеялся.

Гунсунь Сы должен был признать: он давно не чувствовал себя так хорошо. Видеть страдания врага оказалось на редкость приятным занятием.

Чжао Фан опешил – он впервые видел, чтобы тот смеялся.

Смех был мимолетным, почти беззвучным, но в глубине глаз юноши еще плясали озорные искорки.

В этот миг юноша осознал: смерть – слишком легкое наказание. Смерть коротка, а он хочет, чтобы враг жил и страдал. Каждый божий день.

Чжао Фан и не подозревал, какие бездны открылись в душе его подопечного; увидев его улыбку, он лишь глупо улынулся в ответ.

Их взгляды встретились.

Юноша чуть приподнял уголки губ в невинной, почти детской улыбке.